

УДК 821.161.1

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА “ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ”

Сулейманова Н.В.

У статті характеризуються два типи портрета роману М.Ю. Лермонтова “Герой нашего часу”. Естетично “полярні” типи образної системи – гротескна та класична – розглядаються як одночасно сформовані рівнозначні образотворчі норми.

Ключові слова: портрет, класична і гротескна форма портрета, зовнішній вигляд, характер героя.

В статье характеризуются два типа портрета романа М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”. Рассматриваются эстетически “полярные” типы образной системы – гротескная и классическая как одновременно сформировавшиеся равноправные изобразительные нормы.

Ключевые слова: портрет, классическая и гротескная форма портрета, внешний облик, характер героя.

In the article are characterized two types of portrait of novel of M. Yu. Lermontov “Hero of Our Time”. The aesthetically polar types of the image-bearing system – grotesque and classic as simultaneously formed equal in rights graphic norms are examined in the article.

Key words: portrait, classic and grotesque form of portrait, external look, character of hero.

Важной формой изображения литературного персонажа в эпическом произведении, как известно, является портрет. В современном литературоведении изучение портрета, в том числе на материале русской литературы XIX в., как одного из видов описаний предпринимались неоднократно (М.М.Бахтин, Ю.М.Лотман, Д.С.Лихачев, Б.М.Эйхенбаум, Г.М.Фридлендер, В.М.Маркович, Ю.В.Манн, И.М.Тайбин и др.). Однако до сих пор остается актуальным вопрос о критериях отграничения этой формы описаний от характеристики и повествования. Существующие определения термина недостаточно учитывают функциональную значимость портрета, а также взаимосвязь между обликом персонажа, созданным посредством описания, и определенной структурой самого высказывания повествователя на эту тему (особой композиционной формой речи). Портреты чаще всего рассматриваются при анализе системы персонажей, предметного мира или авторского стиля в произведении. Однако такой подход не позволяет выделить характерные признаки портрета как литературной формы изучить системные соотношения всех существующих её образцов даже как внутри одного произведения, так и в ряде текстов. В результате в должной мере еще не выявлено своеобразие портрета персонажа в эпическом произведении и не уяснены функции этой формы в его структуре.

В этом аспекте важным является исследование М.М.Бахтина, который определил эстетически “полярные” типы образной системы – гротескную и классическую как одновременно сформировавшиеся равноправные изобразительные нормы. Однако мысль ученого о существовании двух изобразительных канонов до сих пор остается не вполне освоенной. Поэтому портреты персонажей продолжают рассматриваться в свете исключительно одной изобразительной нормы. Между тем портрет является одним из вариантов описаний в литературном произведении и в то же время репрезентирует особенности видения повествующего субъекта. В портретах, как и в других формах описаний, отражаются изменения, происходящие в характере, временной, пространственной, ментальной позиции субъекта. В зависимости от особенностей повествующего лица меняются структура и содержание портрета. При этом сама природа образа, представленного в портрете, может тяготеть к одной из изобразительных норм, указанных Бахтиным, – гротескной или классической. От этого зависит и реализация портрета как композиционной формы речи и как характеристики героя-персонажа, в том числе и психологической в структуре литературного произведения.

Портрету в эпическом произведении в большей степени присуща форма классического типа,

которая реализует свойственный литературному роду в целом принцип единства в многообразии. Н.М.Гурович отмечает следующие основные признаки такого портрета. Во-первых, в основе изображения лежит, согласно М.М.Бахтину, “представление субъекта о завершенности изображаемого персонажа” [1, с. 355], что означает акцентирование внешних и внутренних границ объекта, а также определенную уравновешенность или гармоничность. Во-вторых, изображение дает – в той или иной форме – оценку изображаемого субъектом. В-третьих, облик персонажа – способ “вычитывания” из его внешности примет внутреннего мира [2, с. 3–5]. Этот феномен ярко иллюстрирует текст романа Лермонтова “Герой нашего времени”, где “классический” портрет характеризуется яркой обозначенностью границ на разных уровнях. При этом он тяготеет к однозначной интерпретации и поэтому к замкнутости изображаемых объектов: “персонаж, как правило, описывается, будучи “остановленным” в одной позе” [2, с. 5], что способствует “прочтению” характера героя.

Психологический портрет Печорина неоднократно обращал на себя внимание исследователей, подчеркивавших разнообразие выразительных и изобразительных средств. “Описание лица, фигуры, пластики движений, одежды, эффекты освещения, колористические характеристики, таинственная жизнь взглядов, интонаций – все это определяет индивидуальное мастерство словесных портретов Лермонтова, несомненно, зависящее и от умения писателя владеть кистью” [3, т. 4, с. 456].

Как известно, визуальное мышление синтетично по своему характеру. Оно словно возникает на основе вербального мышления за счет соединения с трансформированным чувственным материалом. В сознании реципиента визуальный образ – продукт соединения рационального познания, в котором задействовано вербальное мышление, и собственно чувственного опыта субъекта. Этот факт напрямую связан с тем, как “работает” описание в литературном произведении, поскольку одной из его основных функций является не только изображение предмета, но и маркирование его определенных свойств, что само по себе уже является частью интерпретации. В литературном произведении портрет выполняет изобразительную и характеризующую функции: соотношение приемов визуализации и характеристики различно в зависимости от авторской задачи.

Для полноценного восприятия облика героя, изображенного в литературном произведении, важно учитывать точку зрения субъекта повествования, выраженную в конкретных элементах текста. Если в живописи понятие “точка зрения” приравнено прежде всего к пространственному положению субъекта, то в литературоведении термин, как свидетельствуют исследования М.М.Бахтина (“Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук”), Б.М.Успенского (“Поэтика композиции”), Х.Ортега-и-Гассета (“О точке зрения в искусстве”) определяет не только дистанцию между носителем взгляда и объектом во времени и пространстве, но также ценностное и речевое отношение к миру. Однажды заданный в описании персонажа элемент

может варьироваться, но всегда должен выступать как определяющий для его внешности. Возможно также сообщение о внешности персонажа, которое, в сущности, представляет собой “минус – описание” (например, портрет Печорина как “анти-описание”, противопоставленное описанию Грушницкого).

Портрет в литературном произведении всегда является средством привлечения внимания читателя к определенным чертам личности персонажа. Именно с этим, очевидно, связано такое частое взаимопроникновение описания и повествования. Как отмечал М.М.Бахтин, для “классического” канона характерны статичная, внешняя точка зрения субъекта и прямая перспектива.

Один из признаков, характерных для большинства портретов, – вариативность интерпретации внешнего облика персонажей. В случае лермонтовского Печорина это очевидно, поскольку на протяжении всего произведения его облик дается с разных точек зрения. То же самое можно сказать и об Ундине (“Фаталисту”), которую сам герой воспринимает крайне субъективно, что подчеркивается в ее описании. Вариативность интерпретаций полностью отсутствует в тех описаниях, которые даны с точки зрения Максима Максимыча. Это тоже своеобразная характеристика восприятия героя. Портреты же, данные с точки зрения странствующего писателя (или офицера), представляют собой промежуточный вариант между двумя видениями. Субъект в них, с одной стороны, оставляет пространство для самостоятельной читательской интерпретации (чего в большинстве случаев не делает Печорин) и стремится при этом, с другой стороны, сохранить установку на максимально развернутое описание внешности.

Те портреты, где сохраняется множественность прочтений, выявляют связь между внешним и внутренним, в то время как портреты в “Бэле” воспроизводят лишь субъективное впечатление героя. Однако в любом случае портрет в лермонтовском романе несет на себе психологическую “нагрузку”.

Следует подчеркнуть, что в образной системе “Героя нашего времени” функция “портретирования”, кроме психологической характеристики (доминирующей, с нашей точки зрения) и живописной, несет и композиционную “нагрузку”. Архитектоника романа, как известно, основана на циклизации повестей, каждая из которых подводит читателя к герою с новой стороны, сочетая внешние обстоятельства (ситуация повышенной сюжетной экспрессии) с изображением “внутренней жизни” героя (дневник Печорина). Принцип хронологической последовательности событий заменен психологической последовательностью “узнавания” героя рассказчиком – Максимом Максимычем, “путешествующим” повествователем, через исповедь героя. “Соположение” персонажей глубже раскрывает характер самого героя, но и “в лицах” дает представление об окружающем его мире (Бэле, Казбич, Азамат, Максим Максимыч).

Между группами портретов, данных с точек зрения трех главных субъектов изображения, возникает еще одно различие: каждый из носителей точек зрения смотрит на людей с разной установкой.

Максим Максимыч старается прочитать во внешности прошлое и настоящее объекта, соотносит его с определенной жизненной моделью (портреты Казбича, самого Печорина); то же самое во многом свойственно и взгляду Печорина, который также вписывает окружающих в определенный тип, иногда литературный, а иногда взятый из светской жизни (портрет Ундины, первый портрет Мери). Но если Печорин к каждому подходит с уверенностью, что знает жизнь и людей, поэтому способен сразу определить особенности внутреннего мира человека (поскольку им движет стремление манипулировать людьми), то Максима Максимыча в большей степени интересует непосредственно история жизни человека, а формулировать выводы об особенностях личности он совсем не склонен. Иного рода восприятие мы видим во взгляде на людей путешествующего писателя. Он, с одной стороны, обладает во многом знанием, сходным с печоринским, и так же, как Максим Максимыч, способен соотносить людей с определенным типом, но при этом видение его отыскивает несоответствия между внешней принадлежностью человека к определенному типу и его внутренним миром, что особенно хорошо видно в описании Печорина.

В “Герое нашего времени” психологические портретные характеристики выявляют два типа литературных аллюзий в романе. Во-первых, аллюзии, свойственные видению героев; во-вторых – входящие лишь в кругозор читателя. Отсылки второго рода, как правило, реализуются через сходство ситуаций или эмоций рассказчика, представленных в описании (основная их часть содержится в “Княжне Мери”).

Там, где отсылки не очевидны, не демонстративны, они целиком определяют структуру описания, а в случае очевидных аллюзий в большей степени характеризуется видение субъекта, а не сам объект. Таким образом, в литературных отсылках на имплицитном и эксплицитном уровнях проявляется стремление героя мыслить определенными схемами, предполагающими предсказуемое поведение персонажей. Однако такие представления Печорина о людях последовательно развенчиваются в сюжете каждой повести.

Таким образом, в лермонтовском романе присутствуют два типа портретов: первые тяготеют к формированию четких границ и гармонизации внешнего облика; для вторых, наоборот, характерен размытый силуэт и диспропорции разного рода. Отметим также, что полярные по своему строению и функциям варианты портретов встречаются в повествовании от лица одного субъекта речи – Печорина. В связи с этим становится очевидной еще одна особенность героя: наличие “содержательных” границ образа человека в его сознании определяет и визуальные границы облика. Чем легче персонаж рассказа вписывается в те или иные границы, чем более привычным кажется Печорину его облик, тем характернее стремление

зафиксировать позу описываемого, которая уже сама по себе обретает семантический статус. Напротив, размывание силуэта и дисгармонизация внешнего облика затрудняют осмысление персонажа с помощью литературных аллюзий. В портретах, тяготеющих к гротескному полюсу, возникают сравнения с разного рода предметами, как бы в противоположность литературным сравнениям в “классических” портретах. Функция этих сравнений сохраняется во всех портретах романа: направить визуальные ассоциации читателя и внести оценку в описание. Примечательно, что и в использовании субъектом речи сравнений сохраняется принцип структурного единства всех портретов в романе, однако с поправкой на оценку изображаемого.

Психологический аспект лермонтовского портрета играет доминирующую роль в описании и семантике. В этой связи напомним о своеобразии лермонтовского изображения “текучести” (термин Л. Н. Толстого. – Н. С.) человеческого характера. “Текучесть” отмечается Б. Т. Удодовым как характернейшая черта “психологизированного” портрета “Героя нашего времени” [4, с. 51]. “Текучесть”, следовательно, психологизм проявляется прежде всего в изменчивости и противоречивости характера героев, несовпадении внутреннего состояния с внешней “игрой”, которая порой осознается и самими героями. Это несовпадение наблюдается в образах всех главных героев романа. Так, Вера производит впечатление женщины “с характером твердым, решительным, холодным, верующая в собственное убеждение, готовая принести счастье в жертву правилам, но не молве. Увидевши же ее в минуту страсти и волнения, вы сказали бы совсем другое – или, скорее, не знали бы вовсе, что сказать” [4, с. 51]. Печорин, “когда хотел говорить приятно, то начинал заикаться и вдруг оканчивал едкой шуткой, чтобы скрыть собственное смущение...”, “... жесты его были отрывочны, хотя часто они высказывали лень, и беззаботное равнодушие, которое теперь в моде и в духе века...” [4, с. 51]. Необходимость приспособливаться к диктуемому временем и сословием условиям предопределяла трагичность героя: внешний конфликт перерастал во внутренний. “В этом причина того, что герои находятся не только в состоянии войны со светом, но и в непрерывной изнурительной борьбе друг с другом и с самими собой” [4, с. 51].

Психологизм, ироничность становятся непременным художественным условием осуществления тех метаморфоз, которые приводят к коренному изменению во “внутреннем бытии” героев “Героя нашего времени”, – и в этом отношении, конечно же, на переднем плане – Печорин. Именно его внутренний мир больше всего захвачен динамикой психологических метаморфоз, которые приводят к полной художественной устойчивости центральной коллизии романа, о которой говорил Б. Т. Удодов: Печорин против Печорина.

Литература

1. Бахтин М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 447–483.
2. Гурович Н. М. Портрет персонажа в структуре эпического произведения: гротескный и “классический” типы (на материале романов Н.В.Гоголя “Мертвые души” и М.Ю.Лермонтова “Герой нашего времени”) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Гурович Н. М. – М., 2009. – 22 с.
3. История русской литературы : в 4 т. / ред. коллегия : А. С. Бушмин, Е. Н. Куприянова, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, К. Д. Муратова. – Л. : Наука, 1980–1983.
Т. 2 : От сентиментализма к романтизму / ред. тома Е. Н. Куприянова. – 1981. – 655 с.
4. Удодов Б. Т. Роман М.Ю.Лермонтова “Герой нашего времени” : кн. для учителя / Б. Т. Удодов. – М. : Просвещение, 1989. – 191 с.